

"...Знаешь, - наконец заговорил Асума, - могу честно сказать, что в молодости я был настоящей занозой в заднице. Боги, я доставил старику больше головной боли, чем мне хотелось бы признать. У меня был чип на плече, так как я был сыном легендарного бога шиноби". Он вздохнул, потирая глаза.

Куренай молчала, пока Асума продолжал: "Не сосчитать, сколько раз мы спорили. Самый большой был по поводу... моего вступления в Двенадцать Хранителей". Он вздохнул. "Охранять даймё и королевскую семью - величайшая честь, которую можно заслужить", - торжественно произнес джоунин. "Но я просто хотел уехать на время. Чтобы меня перестали спрашивать о моем выборе, чтобы я наконец-то вышел из его тени..." Он оглянулся на фигуру отца. "Не могу поверить, что я был настолько глуп".

Куренай почувствовала необходимость сменить тему, хотя бы для того, чтобы отвлечь его на мгновение. "Ты никогда много не говорил о тех днях, когда был в двенадцати".

Он пожал плечами. "Да особо нечего рассказывать. Мы защищали даймё от угроз, не уходили далеко на задания, только когда даймё был в разъездах", - он ласково улыбнулся. "У меня там были хорошие друзья, Китанэ, Наума, Сэйто, Тоу, Чирику... Хм, я давно не видел Чирику, хотя сейчас думаю об этом. Не мешало бы навестить его", - размышлял Асума.

Куренай недоверчиво посмотрела на него. "Нечего сказать", - говоришь ты. Я не думала, что остановить переворот, устроенный половиной Хранителей, можно так незаметно".

Лицо Асумы заметно потемнело, и Куренай отмахнулась от напоминания о том времени. Точно... его товарищи убивали друг друга. Вот почему он назвал только пятерых из них; предатели не заслуживали того, чтобы быть причисленными к ним, не после того, что они сделали.

"Я часто думал, действительно ли он настолько глуп..." Он испустил долгий вздох, проведя рукой по волосам. "Два короля, - сказал он, - объединят Огненную Землю". Казума, ты гребанный идиот, Хокаге поклялся служить даймё. Полунезависимость Конохи никогда не была угрозой для страны".

Джоунин покачал головой. "После того случая я вернулся домой", - Асума посмотрел на Куренай, - "Думаю, я стоял перед стариком за его столом в течение двадцати минут. Мы не сказали ни слова, он просто работал над своими бумагами, а я наблюдал. Я бы хотел сказать ради мамы, что мы оба сели и долго разговаривали по душам, но мы со стариком никогда так не строили".

Теперь, когда Куренай задумалась об этом, то время, когда она была в кабинете Хокаге вместе с Асумой, хотя отец и сын разговаривали, даже обменивались смехом, они никогда не говорили друг другу ничего важного. Между ними не было злости, по крайней мере, она больше не чувствовалась.

Казалось, что они просто ушли от своих разногласий, не выясняя их. Это лучшее, что она

могла сказать.

Мастерица гендзюцу сдержала вздох, задаваясь вопросом, все ли мужчины Сарутоби такие, слишком упрямые, чтобы говорить о своих чувствах, но не настолько гордые, чтобы признать свою неправоту... Не признавая этого открыто, конечно. У нее не было достаточного опыта общения с их кланом, чтобы прийти к какому-то выводу. Возможно, просто Асума и его отец не умели так выражать свои мысли.

Ей стало интересно, как сестра Асумы ладила с их отцом, как она ладила с Асумой. Куренай не была с ней знакома, поскольку работа в элитном АНБУ по прямому приказу Хокаге отнимала много времени у нее и ее супруга, и она не могла вспомнить случая, когда Асума говорил бы о ней подробно.

Она задавалась вопросом, лежит ли смерть родителей юного Конохамару на совести этих двух Сарутоби.

"Возможно, так оно и есть", - мысленно рассуждала хозяйка гендзютсу, - "Никто из них не хочет больше никого терять", - что ж, она придерживалась именно такого мнения. Подойдя, она положила свою руку на его большую и слабо сжала: "Тебе что-нибудь нужно?".

"Сигарета?" Это вызвало его сухой недовольный взгляд; "По крайней мере, я честен в этом".

"Я молюсь, чтобы Конохамару никогда не подхватил эту привычку".

Это вызвало сухой взгляд Асумы: "Он Сарутоби, мы все курим...".

"Ну, вы все любите выдыхать огонь и дым", - не удержалась Асума. Сарутоби были известны своим интенсивным контролем огня, не говоря уже о том, что ей вспомнилась техника извержения пепла, в которой ее любовник был очень искусен. Возможно, она обманывала себя или была немного невнимательна. Они были ниндзя; им было позволено перенять привычки, которые помогут им справиться с такой жизнью.

Даже если она и находила это неприятным...

XxX ~ xx ~ XxX

Перепрыгивая с крыши на крышу в Танзаку, пятеро выбрались из города, и вскоре Карин уловила сигнатуру чакры Цунаде. Прошло совсем немного времени, и они оказались у входа в большую пещеру. Узумаки объяснил, что так Орочимару создавал свои скрытые базы на вражеской территории, используя естественные пещеры как идеальные укрытия, а затем расширяя их с помощью пользователей Земли, чтобы создать более полезную операционную базу.

Это было умно, Джирайя должен был признать. Как и Орочимару, в пещере мог заблудиться или потеряться любой, в зависимости от ее размеров. Если применить соответствующие ловушки и гендзюцу, вход в пещеру может стать смертным приговором.

Следуя за Карин, они вошли в пещеру, и ей не потребовалось много времени, чтобы найти привычную схему Ото, пока они пробирались через правильную сеть туннелей. "Кто этот человек, которого лечит Химе?" прошептал Джирайя, не сводя глаз с противника: "Они должны быть очень важны для Орочимару, чтобы зайти так далеко".

"Если бы я могла предположить, Кимимаро", - Карин осторожно шла рядом со своим светловолосым кузенком. "Он, возможно, самая опасная элита, которой располагает Орочимару. Он заразился редкой болезнью, которую никто из медиков Ото не смог разгадать".

Сразу после того, как они вошли в пещеру, Кушина стала следить за ловушками. Она уже обнаружила несколько слоев печатей обнаружения. Немного концентрации и правильного применения чакры, и она могла бы переписать их, обойдя их поля обнаружения, чтобы не вызывать тревогу.

"Что такого особенного в этом Кимимаро?" спросил Наруто.

Карин нервно поджала губы. "Он - Кагуя".

Кушина почти потеряла контроль над собой, когда деактивировала еще одну печать, ее фиалковые глаза расширились от недоверия. Джирайя почувствовал, как волосы на его шее встали дыбом при упоминании этого имени. "Черт..." Оба поклялись почти в унисон.

"Хм..." Смущенный взгляд Наруто переместился между ними. "Это плохо для нас, я так понимаю?"

Шизуне заговорила: "Клан Кагуя был, возможно, одним из самых жестоких кланов, не считая древних Ичимондзи. У них был Кеккай Генкай, называемый Шикоцумяку, который позволял им манипулировать своей костной структурой, превращая ее практически во что угодно."

""Был"?"

"Их уничтожила их собственная дикость, или я так думал", - Джирайя почувствовал приближение головной боли; "Орочимару всегда увлекался редкими родословными, я не должен удивляться".

"Нам предстоит бой, дети", - просто заявила Кушина, найдя еще одну печать.

"Когда ты говоришь "манипулировать их костной структурой", лицо Наруто скривилось от отвращения, когда он задумался. "Ты имеешь в виду...?"

"Их кости будут скручиваться, расти и пробиваться сквозь кожу, чтобы функционировать как чрезвычайно твердое оружие".

"...Мерзость"

"Эх", - пожал плечами Джирайя. "Шесть из десяти среди самых отвратительных вещей, которые я видел" По правде говоря, он ни капли не ждал этого. Кагуя были варварским кланом, и Орочимару мог заполучить одного из них... Он посмотрел на Шизуне и спросил: "Как долго Орочимару и его лакеи находятся здесь?"

"Около двух недель", - ответила Шизуне. "Он ежедневно заставлял Цунаде-сама лечить своего слугу", - ее лицо стало озабоченным. "Она сказала, что при таких темпах его выздоровление будет быстрым... Сегодня должен был быть последний сеанс, после него слуга Орочимару избавится от болезни, и это будет лишь вопрос времени, когда он обретет свою первоначальную силу".

<http://tl.rulate.ru/book/62419/1794617>